

Основания и перспективы российско-украинских международных отношений

В конце апреля 2011 г. в Киевском институте международных отношений состоялись слушания, посвященные российско-украинским международным отношениям. Основной доклад был прочитан заведующим кафедрой международного права профессором А.В. Задорожным. Доклад заслуживает самого пристального внимания, тем более что автор сумел избежать предвзятости, штампов и обвинений. Такая сдержанность заслуживает уважения. Однако в данной статье не ставится задача

критического анализа позиции украинских коллег, скорее, в ней делается попытка рассмотреть этот вопрос с несколько иных методологических позиций.

Проблематику отношений России и Украины невозможно раскрыть, опираясь только на опыт последних двадцати лет и оперируя стандартными концептами международного права. Существует ряд ценностей, символов и фактов, связывающих историю, язык и культуру двух народов и двух го-

сударств. Радикальные внешнеполитические дискурсы, используемые в России и Украине, это обстоятельство не учитывают.

Российский дискурс предполагает нахождение Украины в орбите российских интересов и подчинение ее российским установкам. Украина рассматривается как обособленная, но подчиненная территория. Во главу угла ставится имперская традиция, однако при этом упускается из виду то, что Россия в ее сегодняшнем состоянии не способна эту традицию формулировать и отстаивать. Более того, не учитывается, что данная традиция может образовывать гармоничную систему только при условии ее связи с символами и ценностями, имеющими общий восточнославянский или даже украинский генезис (Киевская Русь, православие, литература, фольклор, отношения с Западом и пр.).

Украинский дискурс, наоборот, предполагает неподчиненность Украины России. Здесь, по сути, совершается та же ошибка: как основание этой неподчиненности констатируется самостоятельностью украинской культуры, что не соответствует истине. В качестве методологической основы двусторонних отношений украинские политики выдвигают концепцию суверенного равенства, имеющую в данном случае разъединяющий эффект; ее широкая интерпретация ведет к неестественному разъединению истории, языка и культуры двух народов.

Каждый из упомянутых дискурсов вызывает отторжение другой стороны; выводы, построенные на их основе, грешат размытостью и неполнотой. Реализация российского дискурса на практике может иметь следствием подчинение Украины коррумпированной российской элите, преследующей главным образом собственные экономические интересы. Реализация украинского дискурса может привести к маргинализации украинской культуры, пре-

Городецкий Марат Викторович — старший преподаватель кафедры философии и истории Новосибирского университета потребительской кооперации.

Толстых Владислав Леонидович — заведующий кафедрой конституционного и международного права Новосибирского государственного технического университета, доктор юридических наук.

вращению украинского народа в то, что А. Тойнби обозначал термином «внешний пролетариат».

Бедность обоих дискурсов хорошо иллюстрируют существующие международно-правовые проблемы в отношениях двух государств. Среди них проблемы Черноморского флота, делимитации Азовского моря, газового транзита и др. Обсуждение этих проблем часто носит антиисторический, конъюнктурный характер, выступая средством внутривнутриполитической пропаганды, а не попыткой построить эффективное взаимодействие двух государств. Многие из этих проблем могут быть обесценены такими вполне возможными политическими событиями, как умаление российского влияния на Кавказе, вовлечение Украины в орбиту политики ЕС и НАТО.

Осознание уязвимости обоих дискурсов есть и в России, и в Украине. Россия пытается определить собственное место в мире, опираясь на концепции сырьевой гегемонии и евразийства, усиливая православную доминанту и т.д. Время покажет состоятельность этих проектов, пока же они выглядят неубедительно.

Украина пытается определить свое место через усиление украинского языка в ущерб русскому, создание идентифицирующей мифологии, противостояние России. Эти попытки также непродуктивны. Противопоставление украинского языка русскому приводит к обеднению первого. Украинская литература в этом случае представлена всего несколькими именами, из нее уходят Гоголь, Булгаков, Пушкин и др. Лакуны заполняются за счет англицизмов или простонародных терминов, что негативно сказывается, в частности, на научном языке. Идентифицирующая мифология содержит в себе крупные несоответствия истории; в итоге иногда достигается эмоциональный эффект, однако целостная картина не складывается.

В результате современная украинская идентичность представляет собой сочетание чужеродных по отношению друг к другу элементов — советских, собственно украинских, западных, антироссийских. Справедливости ради следует отметить, что современная российская идентичность еще в большей степени лишена историчности, выстраиваясь главным образом на основе западной идеи высоких потребительских стандартов и противоречащей ей идеи православной империи.

Проблематику отношений Украины и России недостаточно раскрыть в интродуктивной перспективе, поскольку такая перспектива в современном мире явно нежизнеспособна. Любое направленное действие со стороны одного государства в отношении другого нужно рассматривать с учетом действий и реакций прочих международных акторов. Выход Украины из сферы влияния России не превратит ее в реального геополитического игрока, мнение которого учитывается другими. Украине, находящейся на границе двух крупных геополитических образований, чрезвычайно трудно будет отстаивать свою независимость. Более того, у части украинской элиты такое желание отсутствует. В качестве альтернативы России рассматривается ЕС.

Позитивные последствия реализации этой идеи очевидны и легко эксплицируемы. ЕС представляет собой успешное геополитическое образование, способное обеспечивать достойный уровень жизни своих граждан. Присоединение к ЕС обеспечит украинской экономике высокий уровень конкурентности, а украинскому населению — гарантированную защиту от бедности. ЕС является демократическим образованием, ставящим во главу угла права человека, политический плюрализм, разделение властей и другие западные политические ценности. Присоединение к ЕС обеспечит демократический путь развития и для

Украины. ЕС — влиятельный политический игрок, «сверхсверхдержава», с мнением которой считаются во всем мире. Присоединение к ЕС обеспечит Украине защиту от попыток России и кого бы то ни было извне вмешиваться в ее внутренние дела. И т.д.

Негативные последствия более глубоки, их представление требует не перечисления, но осмысления. С политической и технической точек зрения ЕС представляется очень привлекательным обывателям, живущим вне Западной Европы. Но ЕС есть частный продукт западноевропейской культуры как таковой, неотделимо связанный с фундаментальными в этой культуре, глубокими по воздействию явлениями, многого требующими от тех, кто претендует на участие в ней. Среди них — католицизм и протестантизм, специфически строгий и жесткий способ мышления и вербальной коммуникации, обусловленный грамматикой романских и германских языков; широкий спектр эстетических и этических явлений, не всегда очевидных внешне, включение которых в жизненный уклад людей, изначально не принадлежащих западноевропейской культуре, заведомо травматично для их ментальности.

Использование политического продукта Европы без других продуктов европейской культуры невозможно. Поэтому неизбежным следствием присоединения Украины к ЕС будет глубокая и разносторонняя инъекция внутрикультурных западноевропейских продуктов, которые обязательно войдут в конфликт с привычным, гармоничным и самодостаточным укладом украинской жизни, возможно даже не осознаваемым самими украинцами, но продолжающим действовать по глубокой исторической инерции. Продукты европейской культуры не будут приняты в их целостности и органичности. Украинский же уклад под действием их силы будет дезорганизован и раздавлен.

Итогом станет перманентный ценностный пат, не приводящий к какому-либо позитивному результату; невозможность полноценной жизненной реализации на общенациональном и личностном уровнях; снижение образовательного уровня населения из-за невозможности соответствовать западным критериям; перенос социальных ценностей в сферу потребления и маргинализация культуры в целом.

ЕС представляет собой образование, которое в свою очередь испытывает на себе внешнее давление. Как и любая другая империя, ЕС будет перераспределять свои ресурсы так, чтобы защитить центр, свои исторические земли, пытаясь отодвинуть угрозы к своим границам. Как Рим поступал с германцами, так и ЕС будет пытаться поступать со своим многочисленным неевропейским населением. Украина с ее относительно большой территорией и невысокой по европейским меркам плотностью населения является потенциально привлекательной в этом плане.

Наконец, экономически эффективность ЕС также не может быть гарантирована в долгосрочной перспективе. Усиление Китая и Индии, необратимо трансформирующее изначально построенную на доминанте Запада мировую экономику, нехватка сырьевых ресурсов (при усилении социального противостояния ядерной энергетике), нарастающий возрастной демографический дисбаланс европейского населения при достаточно большой его численности плюс заведомо высокие потребительские стандарты могут создать в конечном счете угрозу и для этого фактора.

Одним из основных постулатов современной украинской политики является тезис о необходимости использования международно-правовых механизмов для разрешения проблем российско-украинских отношений. Данный тезис особо выделяется А.В. Задорожным,

констатирующим «определенное невнимание к проблемам международного права во взаимоотношениях Украины и России» и «игнорирование серьезной, определяющей роли международного права в двусторонних отношениях».

Обязательной предпосылкой международного права является наличие в рамках условно цельного географического региона нескольких государств, независимых друг от друга, но объединенных неким общекультурным

И Россия, и Украина даже вместе слишком слабы сейчас, чтобы оказывать воздействие на общественное и тем более элитарное сознание Запада.

ценностным концептом. Именно ценностный концепт плюс информационно-транспортная географическая целостность образуют совокупность связей, являющуюся ойкуменой или — в глобальном пределе — миром.

Возникновение международного права в Западной Европе, согласно общепринятому мнению, было вызвано ослаблением центральной императорской и папской власти и, соответственно, образованием сообщества неподчиненных друг другу государств. Эти процессы проходили на закате Средневековья и окончательно были оформлены Вестфальским миром 1648 г. В рамках Вестфальского мира были подписаны два соглашения (в Оснабрюке и Мюнстере). Данные соглашения признавали существование множественности государств, католических и протестантских; закрепляли их независимость от церкви и от Священной Римской империи; разрешали им вступать в союзы.

Значит ли это, что источником европейского международного права стали слабость и утрата единого концепта? Представляется, что наоборот: этим источником стали внутренняя сила и зрелость позднесредневековой европей-

ской культуры. Вестфальский мир и реформация действительно означали глубокое изменение Запада. Суть этого изменения — замена символического источника западного ценностного концепта с церковно-аристократического на элитарный. В отличие от аристократии элита — не кастовая, но родовая, но идейная субстанция. Критерием отнесения к элите является эффективность, а не происхождение, то есть идеи и их реализация, а не традиции и наследственность.

Реформация как отказ от папства означала общую замену принципа наследования, связующего церковь в передаче священнической власти и фундирующего легитимность какой-либо государственной власти, принципом *sola fide-sola scriptura*, совокупная суть чего — *sola idea*. Самодостаточным носителем идей является потенциально каждое сознание. Поэтому каждый индивидуальный носитель сознания провозглашается без всякой привязки к наследованию потенциально несущим элитарный образ, для реализации которого можно и нужно работать и добиваться успеха, то есть обогащаться. Такой концепт средневековой Европы и породил Новое время, буржуазные революции, просветительство и прочие грандиозные исторические свершения вплоть до современности.

Международное право есть при этом следствие и форма новой культуры. Его появление ознаменовало окончательный разрыв с отрицающей его римской имперской традицией, отказ, влекущий высвобождение сил и ресурсов для новых, уже самостоятельных свершений западного мира. Западная цивилизация получила новую символику, которая оказалась более жизнеспособной, объединяющей

и сопутствующей экспансии, чем символика католической церкви.

Возможно, эта символика отвечала генетической памяти германского элемента в европейской традиции и являлась производной именно от него. Возникновение политической гетерогенности в этом смысле не несло угрозы, напротив, новая символика позволила успешнее преодолевать как внешние по отношению к западной цивилизации, так и внутренние угрозы. Политическая гетерогенность предстает как макропроекция элитарности. Государства сами становятся носителями и аккумуляторами элитарности независимо от родословных их властителей, что обеспечивает их конкуренцию друг с другом и усиление жизнеспособности. В качестве конкретного исторического следствия этого феномена можно рассматривать консолидацию Италии и Германии.

Распад СССР фундаментально отличается от средневековой децентрализации Европы. Главное отличие в том, что распад СССР произошел не в результате внутреннего давления жизнеспособных и оригинальных идей, способных обеспечить состоятельность новых независимых государств на новом историческом уровне, но в результате деградации и отсутствия замены ценностной структуры. Последние двадцать лет показали, что новые ценности не приобрело ни одно из постсоветских образований, вместо этого они продолжают жить отмершими советскими ценностями, рецепируют ценности соседних культур либо пытаются реанимировать ценности досоветские. Нежизнеспособность ценностей влечет за собой нежизнеспособность политических образований и этносов, лишенных пассионарности. Именно в этом обстоятельстве кроется суть трагедии.

Международное право в таких обстоятельствах не может реализовать свой потенциал, по сути, оно просто не может существовать,

поскольку у него отсутствует онтологическая база. Дело не только в том, что договаривающиеся субъекты не могут найти общие ценности, самое страшное в том, что они не в состоянии найти собственные ценности. Именно этим и вызвана неустойчивость внешней политики практически всех постсоветских образований, перенос ее в плоскость прагматизма, а также неэффективность практически всех постсоветских интеграционных формирований. Международное право становится средством обслуживания космополитических интересов политических и экономических элит, что еще больше подрывает его состоятельность и достоинство.

Итак, фундаментальная шаткость международного права в постсоветском пространстве имеет внутреннюю причину. Но есть и более значимая, внешняя, причина: именно сейчас (независимо от распада СССР или в слишком глубокой и неэксплицируемой с ним связи) исчерпан общезападный и в последние сто лет общемировой ценностный концепт, изначально фундировавший международное право в его глобальном применении. Эта исчерпанность выражается сразу в двух аспектах: пространственно-физическом и культурно-историческом.

Прежде всего невозможно далее поддерживать стандарт потребления — производный от элитарного западного ценностного концепта низкой (общеевропейский) символ, являющийся атомарным условием международно-правовых договоренностей, осуществляемым в сознании граждан договаривающихся стран как согласие на «продолжение мироустройства».

Во-первых, распространение стандарта потребления на Китай и Индию, возрастающее международное значение которых — главная перспектива ближайших лет, физически невозможно и чревато общемировым конфликтом. Во-вторых, западный концепт и про-

изводный от него стандарт не на глобальном уровне, но все же критически уже давно находятся в конфликте с концептами и стандартами исламской культуры. Этот конфликт не редуцируется посредством толерантности и мультикультурализма (в том числе и потому, что сами они являются не внешними по отношению к западному концепту, а внутренними принципами). Второй (культурно-исторический) фактор ускоряет действие первого (пространственно-физического), и в итоге образуется зримый и опасный исторический предел ценностного западного концепта, требующий его демонтажа в ближайшей перспективе.

Демонтаж или реинсталляция западного концепта — дело прежде всего самого Запада. Российско-украинских отношений это не касается. И Россия, и Украина даже вместе слишком слабы сейчас, чтобы оказывать воздействие на общественное и тем более элитарное сознание Запада. Запад, а с ним и весь мир, стоит на пороге новой трансформации, по масштабу сравнимой с переходом от Средневековья к Новому времени. И именно поэтому принятие постсоветскими странами (обладающими не семидесятилетней, а тысячелетней общей историей) западной системы ценностей как единственного основания в отношениях друг с другом — это попытка ухватиться за ускользающее прошлое, к тому же изначально чужое прошлое.

С учетом вышесказанного исходный вопрос о возможных формах российско-украинских отношений обретает более сложный и драматический характер. Конечно, напрашивается идея о взаимной институциональной интеграции между Россией и Украиной, однако повторим сказанное в начале: сама Россия сейчас на это, пожалуй, не способна. Дело даже не в политическом положении, не в состоянии государства, не в коррумпированности и неразвитости государственных институтов. Дело в другом и более важном.

В России критически деформирован жизненный уклад как необходимое для существования страны состояние, при котором физическое пространство страны соответствует конституируемому в сознании жителей их жизненному пространству. Жизненное пространство жителя современной России ограничивается в общем случае пространством собственной квартиры. Пространство страны фактически отдано различным «монстрациям», стритрейсам, то есть явлениям молодежной субкультуры или даже криминала. Образующие костяк любой нации и реализующие лично семейные и общественные ценности работающие и законопослушные граждане выключены из жизни, тотально безучастны в первичном жизненном пространстве. Поэтому, а не по вине государства критически нарушаются не только законы, но даже элементарные правила устройства жизни, связанные, например, с инфраструктурой города и вообще обитаемого места.

Социум городов сконцентрирован в торговых центрах — выхлупленных и культивируемых (как квартиры) кусках пространства, скорлупах, за пределами которых — запыленное, десятилетиями не реставрируемое (за исключением нескольких центральных кварталов, да и то не всегда), заброшенное пространство дворов и улиц. Квартира — салон автомобиля — офис — клуб — торговый центр — вот культивируемое жизненное пространство россиянина. Страны как общеценного для жителей и осознаваемого божественным по происхождению, принадлежащего каждому гражданину — моего — простора в этом пространстве нет. Следствием этого распада пространства, как метафизически фундаментального и переживаемого единства связей, является распад социальных связей почти на всех уровнях: от семейного до общегосударственного.

Таким образом, Россия находится в состоянии утраты важнейше-

го культуuroобразующего компонента — чувства своей земли. Россия пребывает в состоянии культурного шока, но она не умерла, а скорее замерла. Россия слишком велика в пространственном и культурно-историческом смысле, инерции отдельных векторов ее развития мощны и, соответственно, длительны, и поэтому она может ждать. Возможность ожидания дает надежду, что Россия генетически и культурно сохранится и переживет ренессанс. Отчасти этому способствует некоторая исключительность современной России из глобального политического и экономического мейнстрима.

Положение Украины иное: и лучше, и хуже. Лучше потому, что в Украине существует действующий в реальном, бытовом пространстве жизненный уклад, низовой уровень культуры, он никуда не ушел и не был разрушен. Оставшиеся от СССР элементарные жизнеорганизующие установки потеряли идеологическую окраску, но в общем продолжают действовать, сочетаясь с устойчивым слоем этнических традиционных ценностей. Это и есть то, что позволяет Украине чувствовать уверенность в завтрашнем дне и даже определенное культурное превосходство над маргинализирующейся Россией.

Почему украинский уклад не потерпел тех метаморфоз, которые случились с укладом российским? Во-первых, крах империи означает поражение прежде всего ее центра, то есть собственно Рос-

сии, а не окраин. Именно в центре сосредоточены пассионарные силы, именно центр аккумулирует высокий уровень культуры, то есть идеологию и политические ценности. Вследствие этого, в отличие от окраин, в центре высокий уровень культуры оказывает влияние и на низкий, то есть на жизненный уклад. Соответственно, умаление первого влечет умаление или даже распад второго.

Во-вторых, действие традиционного (как на этнической, так и на советской основе) уклада является в Украине территориально тотальным. Украина вся — от Донецка до Львова — представляет собой пространство многовековой заселенности и действия уклада, точнее укладов, которые как пласты наслаиваются друг на друга в едином направлении, не отрицая, но дополняя друг друга (вот почему советский уклад не исчез, он сам был в единстве пластов, независимо от исчезнувшего советского государства). Эти уклады, включая советский, не зависят в Украине от краткосрочной политической конъюнктуры, они образуют устойчивые ориентиры в повседневной жизни, создавая своеобразный защитный заслон от контркультур. Жизнеспособность этих установок самодостаточна; она не нуждается в подпитке при помощи средств государственной пропаганды.

Но в главном положение Украины хуже. Украина не обладает масштабом, позволяющим ждать и оттягивать выбор, балансируя между

Западом и Россией. Для того чтобы ждать, нужен собственный цивилизационный ресурс, более глубокий, чем экономика и международные связи, и в то же время более объективный по значению, чем наличие собственного жизненного уклада. Основой этого ресурса является статус национального языка в мире, необходимый для обретения собственного в нем места. Этот статус определяется людьми, говорящими на данном языке не только внутри страны, но и за границей, научными и литературными произведениями, созданными на языке и имеющими мировое значение. Подобный статус историчен, а не административен.

Для России очень важно уважать украинский уклад и украинский язык, представление о котором у большинства россиян отсутствует.

Чтобы такой статус приобрести, украинскому языку нужны десятилетия стабильного, даже тепличного, и не спонтанного, но чутко управляемого развития. В этом и состоит одно из основных чаяний апологетов украинской идентичности. Но дело в том, что требуемых тепличных условий и десятилетий у Украины нет. Мировая ситуация, а также внутренняя напряженность по линии «восток — запад» не позволят Украине получить такой исторический кредит.

Положение в мире и внутренний диссонанс требуют выбора. Первый вариант: идти по пути последовательного искоренения всего русского в рамках самоидентификации, а на самом деле — вестернизации со всеми ее последствиями, в том числе с подчинением интеллектуальной элиты англо-немецкоязычной конъюнктуре. Второй вариант: вставить в зависимость от России, жертвуя частью самостоятельности в обмен на энергетическую защиту и зыбкую надежду на возрождение оберегающей сильной системы, позволяющей сохранить уклад и язык в перенесении их в новую

историческую реальность. Оба варианта таят в себе опасность.

Однако представляется, что есть еще и третий вариант — доступная стратегия построения в Украине условий, сохраняющих уклад и действительно развивающих язык, без критических политических и экономических рисков.

Основной принцип этой стратегии — разграничение комплекса отношений Украина — Запад и Украина — Россия на внешний и внутренний уровни. На внешнем уровне оба направления отношений равнозначны, нейтральны и определяются привычными эко-

номическими и правовыми контекстами; здесь сохраняются балансирование и игра на противоречиях. Этот уровень целиком находится в поле международного права. На внутреннем же уровне указанное балансирование должно быть дополнено специфическим украинско-российским контактом, содержание которого определено не международным правом, а культурными и особенно языковыми явлениями.

Для Украины данный контакт должен стать фактором восстановления исторической основы украинского языка, что позволит нарастить культурную массу символов и текстовых артефактов. В рамках этого нужно совместное участие в культурно значимых проектах россиян и украинцев, владеющих русским языком и занимающихся важной для развития языка деятельностью — научной, литературной, философской. России культурно-языковой контакт позволит найти и выстроить уклад, ориентируясь на украинские модели. Данный контакт обогатит и укрепит обе действительности — украинскую, и российскую. Чтобы он был

эффективен, необходимы определенные условия. Украине очень важно провести демаркационную линию между современной российской действительностью и существующей независимо от нее российской культурой. Для России очень важно уважать украинский уклад и украинский язык, представление о котором у большинства россиян отсутствует.

Культурно-языковой контакт Украины и России, конечно, существует на основе частных и естественных связей, но для того, чтобы он стал стратегически значимым международным явлением, необходима государственная инициатива. Ее формами могут быть организация и поощрение научных связей, туризма, политических дискуссий, совместных молодежных проектов. Например, в научной сфере вполне реальны следующие шаги: проведение совместных конференций, унификация стандартов диссертационных исследований, полная и безусловная нострификация ученых степеней и званий, обмен преподавателями, грантовая поддержка значимых для обеих сторон проектов, перевод и опубликование украинских работ в России и, наоборот, организация совместных периодических изданий.

Может быть, надежда на славянскую историческую реальность не столь зыбка, как кажется сейчас. В таком случае инициация украинско-российского культурно-языкового контакта в рамках не единого направления, а скорее однонаправленного комплекса самостоятельных векторов сформирует основу для способной построить и защищать эту реальность политической системы. Важно сказать и то, что Украина в таком случае возвращается к своей естественной исторической миссии родоначальника восточнославянской культуры и государственности. Единожды выполнив эту миссию, она сможет ее выполнить снова. ■

ПЭС 11095/04.07.2011